Н. И. Толстой

ОБ ОДНОМ БАЛТИЗМЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ — *пелька*

Лексема +*pelьka* [1] занимает довольно обширный и почти замкнутый ареал, охватывающий западнолитовские, латышские, значительную долю белорусских, часть украинских (вероятно, только северных) и великорусские — псковские, новгородские (судя по фольклорным данным, также восходящие к древненовгородским — олонецкие, архангельские, печорские), калужские, рязанские, брянские, курские, воронежские и тамбовские диалекты.

В литовском литературном языке *pélkė* — 'болото', а в западных диалектах — 'болото', 'трясина', 'мокрый луг', 'лужа' (иногда 'яма полная воды'), 'торфяник' [2]. В качестве заимствования из литовского в латышском — *pelke* 'лужа' [3], где известно также собственно латышское *pelce* 'лужа' [4]. Слово *pelky* зафиксировано и в памятниках прусского языка как 'топь, болотистое место, болотистая почва' [5]. Во всем балтийском ареале интересующее нас слово выступает как географический апеллятив — термин рельефа.

В южно- и западнославянских языках лексема +*pelьka* неизвестна. В словарях восточнославянских литературных языков она снабжена пометами *обл.* (областное) или *разг.* (разговорное),

---

[1] Знак + перед лексемой означает, что она принадлежит не какому-либо конкретному языку, а языку-эталону, наддиалектному языку, применяемому при сравнительных (сравнительно-исторических и сравнительно-типологических) исследованиях ряда родственных языков (или диалектов). При этом принято пользоваться «праславянской» формой даже в тех случаях, когда лексема явно не могла существовать в праславянском языке.

[2] Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954. — По данным диалектологической картотеки Института литовского языка и литературы, лексема *pélkė* в указанном выше значении распространена только на западе Литвы — повсеместно в жемайтских говорах и в значительной части западных аукштайтских говоров. В восточной части Литвы распространено слово *balà* 'болото', известное также литературному языку. Эти сведения получены мною благодаря любезности А. Йонайтите, которой выражаю свою искреннюю признательность.

[3] «Latviešu-krievu vārdnīca». Rīgā, 1963.

[4] K. Mülenbach. Latviešu valodas vārdnīca. Rīgā, 1923—1925.

[5] Привожу по словарю Э. Френкеля (Fraenkel, стр. 567). Этимологию слова *pélkė* см. в цитируемых словарях Э. Френкеля и К. Мюленбаха — Я. Эндзелина.

что свидетельствует о ее диалектном источнике и стилистической народно-разговорной окраске.

Белорусское: *пе́лька* ж. *обл.* 'про́рубь' [6].

Украинское: *пе́лька разг.* 'глотка'; *бран.* 'хайло́', *обл.* 'про́рва' (Так то висотали з мене всі жили. Так то цілий вік свій напихав я чужу *пельку* (*Коцюб.*): Із нор золото виносять, щоб *пельку* залити Неситому!. . . (*Шевч.*); *заткнути ~ку вульг.* 'заткнуть глотку' (Треба ж чимсь горлатому панові *пельку заткнути* (*Мирн.*) [7].

Русское: *пе́льки, ов, мн.* (*ед. пе́лька*, и. *ж.*). *Обл.* 'Часть одежды на груди, у горла'. Брать, взять, хватать и т. п. *за пельки.* — *Павел! Выведи вон. . . Лакей взял Краюхина за пельки.* Н. Усп. (Николай Успенский. — *Н. Т.*). Егорка — пастух. *Приказчик мертвой хваткой сгреб Серого за ворот, за душу — и на мгновенье оба замёрли. — Ты что же это, — за пельки хватать? — спросил Серый.* Бунин. Деревня [8].

Связь семем 'прорубь' ↔ 'глотка' ↔ 'часть одежды на груди, у горла' ↔ 'болото', 'лужа' может показаться слабой и трудно мотивируемой. Однако привлечение более широкого диалектного, в первую очередь белорусского, материала дает возможность установить эту связь.

Мои четырехлетние полевые наблюдения над лексикой белорусского Полесья показали, что в западном Полесье лексема +*pelьka* неизвестна. Зато она довольно часто встречается в восточнополесской зоне.

пел' ж. 'чистое, не поросшее ни редким лесом, ни кустарником болото'; *пе́л'ка* ж. 'такое же болото меньшего размера' (село Вельё, бывш. Туровского, ныне Житковичского р-на Гомельской обл).

Лексема *пел'*, вероятно, отражает случай, когда заимствование было воспринято на славянской почве как деминутив («суффикс» *-ка*) и от него «восстановлен» апеллятив без «уменьшительного суффикса» [9].

---

[6] «Беларуска-рускі слоўнік», пад рэдакцыяй акад. К. К. Крапівы. М., 1962.

[7] «Українсько-російський словник» III. Київ, 1961,

[8] «Словарь современного русского литературного языка» IX. М., 1959.

[9] Следует отметить, однако, что для современных полесских говоров часто характерны случаи так называемой «деэтимологизации» суффикса (см.: Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. — «Труды Ин-та русского языка» I. М., 1949, стр. 147—209). Суффиксы, известные в других восточнославянских диалектах как деминутивные, в Полесье в сочетании с рядом корней употребляются как словообразующие без оттенка уменьшительности. Характерным примером может послужить слово *пен'о́к* со значением почти во всех полесских диалектах 'пень вообще' (в том числе и 'большой пень'), в то время как обычно лексема *п'е́н'* отсутствует; если же она известна, то за ней чаще всего закрепляется другая семема. Так, в дер. Луково (Малоритский р-н Брестской обл.) *пен'о́к* 'пень', а *п'ен'* 'дупло' (собств. наблюд. 1965 г.). Что касается слов *пе́л'ка—пе́л'*, употреб-

п'ел'á ж. 'низкий невспаханный участок поля, где обычно стоит вода'; *п'éл'ка* ж. 1. уменьш. от *п'ел'á*; 2. 'прорубь' (д. Дорошевичи Петриковского р-на Гомельской обл.).

п'ел'á ж. 'низкое, мокрое место в лесу, поросшее травой или мхом' (д. Голубица Петриковского р-на).

п'éл'ка ж. 'прорубь' — ў л'одý прорýбываjеца — п'éл'коj называjеца (д. Голубица Петриковского р-на)[10].

п'éл'а ж. уменьш. *пéл'ка* ж. 'прорубь' (д. Шестовичи Мозырьского р-на Гомельской обл.).

п'éл'а, *п'éja* (*п'úᵉja*) ж. 'более сухое место в окружении болот' (иногда поросшее «хмызняко́м», вереском или березняком) (д. Буда Головчицкая Ельского р-на Гомельской обл.).

В восточном Полесье, в Овручском районе, уже на территории Украины (Житомирская обл.), *пеля́* ж. — 'большая яма, колдобина с водой' («а з пел'é вут'екáйе роᵘўчáк») (д. Селизивка)[11].

ляемых в одном и том же диалекте, то в некоторых случаях наблюдается отношение деминутив—не деминутив, а в некоторых диалектах обе лексемы выражают одну семему без оттенка уменьшительности. В связи с этим следует обратить внимание на зафиксированные Полесской лингвистической экспедицией (1964 г.) дублетные формы *б'éл'ка* — *б'éᵘл'*, мн. ч. *б'éл'и*, где *б'éл'ка* также, видимо, — не деминутив (дер. Зосинцы Ельского р-на Гомельской обл.). Слова эти синонимичны *пéльке* и *пéли*. Они значат: 'мелкое, не топкое, проходимое для скота болото, поросшее травой' (согласно сообщению одного информанта из дер. Зосинцы), 'сенокос в лесу' (согласно сообщению другого — дер. Зосинцы). В соседнем селе Кочище (Ельский р-н) *б'éл'* или *б'éл'ка* — 'заболоченное низкое место' («долінка, заболóченаjа м'éстіна»), а в дер. Боровое Лельчицкого р-на *б'éл'*, *б'éл'ка* — 'небольшое болото (до 1 га)'. Такое же значение для Речицкого Полесья отмечает К. Мошинский — *б'éл'* 'ровная болотистая поверхность (луг, лужайка) среди леса, поросшая жесткой травой', добавляя, что, согласно устному сообщению М. Федоровского, на Гродненщине для слова *б'éл'* известно значение 'болотный луг, на котором растет Glyceria fluitans' (K. Moszyński. Uwagi o słowiańskiej terminologji topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materjale białorusko-poleskim. — «Archiwum nauk antropologicznych» I, 5. Lwów—Warszawa, 1921, стр. 2). В дер. Голубица *б'éл'* — 'болотная трава' (ср. случаи названия травы и сена по месту, где она растет, или переноса названия по этому принципу: см. в моей книге «Славянская географическая терминология». М., 1969). Полесский материал дает возможность выдвинуть предположение, согласно которому могли существовать своего рода параллельные формы с «факультативным» употреблением то звонкого, то глухого варианта начального согласного — *пéл'*/*бéл'* (ср. также *полóн'*/*болóн'* 'прибрежный луг, пастбище', 'топкий луг', зафиксированные в том же центральном и восточном Полесье), и даже гипотетически вывести полесск. *бéл'ка*, *бéл'* из *пéл'ка*, *пéл'*. В дальнейшем *бéл'* могла по народной этимологии ассоциироваться с корнем *bĕl-* 'белый'. К. Мошинский в цитированном выше исследовании оставил вопрос об этимологии слова *бéл'* открытым, но все же указал на возможность непосредственной связи *бел'* с *bĕl-* 'белый', так как на болотистых «белях» часто растет пушница (болотный пух — Eriophorum sp.).

[10] К. Мошинский в своем этнографическом описании Голубицы и Дорошевичей не приводит слов *pel'á*, *pél'ka* (K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928).

[11] П. С. Лисенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 41.

Там же, около Овруча, по данным Н. В. Никончука, *пе́л'ка* — 'прорубь', наряду с значением 'горло, глотка', 'рот, хайло' (с. Выступовичи, Покалев и др.). Оба эти значения отмечены несколько восточнее, под Чернобылем (с. Залесье). В районе того же Овруча (д. Переезд) зафиксирована любопытная форма *опе́л'ка* 'прорубь', возникшая, вероятно, по модели укр. *поло́нка—опо-ло́нка* 'прорубь'. А в северо-восточном углу белорусского Полесья, скорее уже в смежной с Полесьем зоне — на Глусчине (юго-восточная часть Минской обл.), в д. Славковичи и Клетное, *пе́ль* (*пêль*), уменьш. *пе́лка* (*пе́лка*) — 'низина посреди поля, обычно круглая или овальная' («У Надда́тках пе́ль ву́кашана»; «Пе́лка та́я ні ву́кашана») [12] и тут же, в поселке им. Я. Купалы, *пе́лька* ж. — 'прорубь' [13]. Такое же значение *пе́лька* ж. 'прорубь в реке' зафиксировано в центральной части Минской области, на Червенщине [14]. Несколько восточнее Глусска, в Паричском районе (Гомельская обл.), *пе́ля* ж. — 'глубокое место в стоячей воде' («На пе́лі ўюны́ ло́вяць») (д. Здудичи) [15]. Там же *пе́лька* ж. — 'прорубь на льду' (д. Дуброва) [16].

Последние значения интересны тем, что в них осуществлен перенос термина земного рельефа на подводный с сохранением в принципе того же основного дифференциального признака — глубины по отношению к окружающему рельефу. Этот случай — далеко не единственный в славянской диалектной географической терминологии. Таким образом, *+pelьka* еще на территории Полесья из термина земного рельефа переходит в водный термин. *Пе́лька* 'прорубь' известно не только в восточном белорусском Полесье и в других, в том числе и центральных, районах Белоруссии, но и западнее, в районе Путивля [17] и на Брянщине [18].

Картотека «Брянского областного словаря» фиксирует два значения для слова *пе́лька*: 1. 'прорубь'; 2. 'ямка в горле' [19].

Именно это второе значение, знаменующее собой перенос термина из семантической сферы рельефа в сферу терминологии частей

---

[12] Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік І. Мінск, 1959.

[13] Там же.

[14] М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

[15] С. Прач. З лексікі вёсак Парыцкага раёна. — «Матэрыялы для слоўніка». Мінск, 1960, стр. 167.

[16] С. Прач. Указ. соч.

[17] П. Л. Маштаков. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

[18] Картотека «Словаря русских народных говоров» в Ин-те русского языка в Ленинграде. Запись Агранова в Трубчевском р-не (1957 г.).

[19] Картотека «Брянского областного словаря» хранится в Ленинграде в Педагогическом ин-те им. Герцена. Приношу искреннюю благодарность В. И. Чагишевой за предоставленную мне возможность пользоваться картотекой и за сообщенный материал. В с. Вельжичи Почепского р-на В. И. Чагишева записала: п'е́л'ус'т'ик заву́т' и п'е́л'ка — ета ја́мка на γо́рл'и, и душа́ то́жа называ́јут'. В с. Удолье Трубчевского р-на отмечено также: *пе́л'ка* 'небольшой водоем', 'лужа'. Значения 'прорубь' и 'ямка в горле' зафиксированы в основном в Трубчевском р-не.

тела, дает возможность объяснить ряд других значений, распространенных на великорусской территории. Общность лексемного инвентаря — терминов сферы рельефа и сферы частей тела в славянских языках довольно значительна. Достаточно указать на такие лексемы, как *+golva*, *+lъbъ*, *+nosъ*, *+oko*, *+ustьje*, *+chrьbьtъ* и т. п.[20] Более древним и частым был перенос из сферы частей тела в сферу рельефа, приведший к довольно устойчивому параллелизму терминов (к омонимии, при сохранении некоторого достаточно абстрагированного, но все-же общего инварианта значения), что обеспечивало в свою очередь обратный переход из сферы рельефа в сферу частей тела.

Брянское *пе́лька* 'ямка в горле' очень близко по значению к калужскому *пе́льки* мн. 'выдающиеся на горле косточки' (район Мосальска)[21]. По сути дела здесь в микромасштабах тот же энантиосемический сдвиг, что и в ряде терминов рельефа, например: *верх* 'вершина горы' и южнорусск. *верх* 'овраг, дно оврага', словен. *vrh* 'вершина горы' и *vrh* 'седловина горы'[22].

От *пе́льки* 'часть горла', 'нижняя часть горла', 'ямка, или выдающиеся подшейные косточки' метонимически, переходом от части к целому, возникло украинское (вероятно, северноукраинское) *пе́лька* 'глотка' (ср. пример из сочинений Т. Шевченко, приведенный в «Украинско-русском словаре»), если не принимать во внимание другую возможность: через семантические звенья — 'прорубь' → 'прорва' → 'глотка', на что указывает стилистически-эмоциональная окраска слова и контексты, в которых оно встречается[23].

И. И. Носович в своем «Словаре белорусского наречия» (СПб., 1870) дает следующее толкование интересующего нас слова:

---

[20] См., например, соответственно индексы слов в кн.: J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957; R. Badjura. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953; P. Nitsche. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln—Graz, 1964.

[21] Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905—1921. Рукопись, хранящаяся в Архиве Ин-та русского языка в Ленинграде (шифр 117—118).

[22] Об этом подробнее см. в моей книге «Славянская географическая терминология». М., 1969.

[23] Б. Д. Гринченко дает слово *пе́лька* со следующим толкованием и примером: «*Пелька, ки* ж. Глотка. Напекла стара моя такого хліба, що і в пельку не лізе. Кобеляк. 7. П'ять літ роблю на чужу пельку. Г. Барв. 321» (Грінченко III, стр. 106).

В некоторых случаях наблюдается и дальнейший семантический переход 'глотка' → 'рот': «Чого ти розкрив свою пельку? Кричиш на все село!» (с. Человка, Коростеньск. р-н, Житомирск. обл., сообщил Н. В. Никончук). В. В. Мартынов обратил мое внимание на ряд примеров перехода 'прорва' → 'глотка' в других языках: укр. *хлань* 'бездна, пропасть', *хламати*, *хлануги* 'жадно есть'; ст.-польск. *odchłisko* 'бездонное отверстие', *odchłina* 'отверстие', *chłanąć* 'жрать, пожирать' (F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego I. Kraków, 1952, 1956, стр. 68); ср.-в.-нем. *slunt* 'глотка', 'пропасть'; др.-саксон. *slund* 'глотка'; гот. *fra-slindan* 'проглатывать' (F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 16. Aufl. Berlin, 1956).

пе́льки, *-ек*, ж. употр. во множ. 'грудина, грудная кость, груди' («Пельки свое выставив, не засцегнувся»); *пе́льковый* прил. 'грудной' («Пельковое мясо») [24]. На белорусско-южнорусском пограничье, в так называемом северском диалекте, П. А. Расторгуев [25] записал: *пе́лькі* 'груди (женские)'. Значение 'груди' и 'ворот' отмечено в витебских говорах: *пе́льки* 1. 'женская грудь' («Як сьцісьне мне у пельках») (д. Лукьяново, Сонненского р-на); 2. 'ворот («Сем адзеш, а пелькі розны») (д. Ранчицы, Бешенковичск. р-н) [26].

То же значение *пе́льки* — 'женская грудь' известно по многим былинным и другим фольклорным текстам, записанным на великорусском Севере в Олонецкой и Архангельской зоне, на Белом море, на Печоре (записи Ончукова, Григорьева, Маркова, собрания Тихонравова и Миллера). В некоторых случаях эти тексты как будто выявляют и *пе́лька* просто 'грудь' (собрания Афанасьева, Рыбникова), а также *пе́лецко* 'лопатка средней ноги (части? — *Н. Т.*) у животного' (олонец. запись Рыбникова) наряду с *пе́лечка* 'часть пазухи за лямкой сарафана, подмышка' (очевидно, женская) и, наконец, *пе́лечка* 'передняя часть рубахи, прикрывающая грудь' (олонец. запись Рыбникова) [27].

В последнем примере, так же как и в случае с витебским *пе́льки* 'ворот', наблюдается уже переход из сферы названий частей тела в сферу терминов одежды. Здесь также можно привести ряд широко известных аналогий: общеслав. **vortъ* 'шея', русск. *ворот* 'воротник', русск. *грудь* 'грудь' и 'грудь рубашки, мундира и т. п.', *спина́* 'спина' и 'задняя часть рубашки, мундира и т. п.'

В говорах древней севернорусской метрополии, в Новгородской земле, отмечено *пе́лька* 'у рубах: передняя часть, покрывающая грудь' (б. Тихвинский у.) [28]. Ср. аналогичные и близкие значения в Псковской земле, где *пе́лька* — 'часть всякой одежды, находящаяся на груди у горла' (б. Псковский у. Псковск. губ.), 'передняя часть рубахи, покрывающая грудь', 'ворот одежды'

---

[24] К сожалению, И. И. Носович не указывал места записи слов. Основной материал, как известно, он черпал из диалектов бывш. Могилевской губ., но были включены в словарь и слова из бывш. Минской и Гродненской губ.

[25] П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927.

[26] М. І. Касьпяровіч. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.

[27] Все примеры из северновеликорусского фольклора даны по статьям *пе́лька*, *пе́лечка* в кн.: Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, стр. 175, 177—178. Г. Куликовский в «Словаре областного олонецкого наречия» (СПб., 1898) лексем *пелька* и *пело* не дает. Нет их и у А. Подвысоцкого в «Словаре областного архангельского наречия» (СПб., 1885). Характерны ли эти слова только для языка фольклора, принесенного из новгородской метрополии, или они все же существуют в диалектной речи олонецких, архангельских и печорских крестьян и поморов, выяснится, вероятно, из подготовляемых в ЛГУ «Печорского областного словаря» и нового «Областного словаря русских говоров Карелии», работа над которым начата по инициативе проф. Н. А. Мещерского, а также нового «Архангельского областного словаря», картотека которого собирается в МГУ.

[28] Опыт, стр. 154.

(д. Савкино и д. Подсосонье Пушкиногородск. р-на Псковск. обл.), *пе́лечка* — 'планка на груди мужской рубахи' (д. Лисицы Пушкиногородск. р-на) [29], затем в Калужской зоне, в районе Жиздры, где *пе́лька* — 'ворот рубашки' [30], восточнее, в Рязанской зоне, в районе Богословщины (Захаровск. р-н), где *пе́льки* — 'нашивки из красной ткани по обеим сторонам ворота (выреза) в традиционной женской кофте («рубахе»)' [31], и, наконец, в Тамбовской зоне, где *пе́лька* — 'часть рубашки, прикрывающая грудь' [32].

К перечисленным значениям близки новгородское *пе́лька* 'пуговица у рубашки' (б. Новгородский у.) и псковское *пе́лька* 'петелька' (д. Кудяево, Новоржевский р-н) [33], возникшие на основе метонимического переноса с целого на его часть.

В брянских говорах, где, как отмечалось, *пе́лька* означает 'прорубь', 'лужа' и т. п. и 'глотка', известны словосочетания *схвати́т' за п'е́л'ки*, *вз'а́т' за п'е́л'ки* (Рогнединский и Брянский р-ны), т. е. 'схватить за глотку', 'схватить за душу' (материал В. И. Чагишевой). Эти сочетания, вероятно, еще не идиоматичны в полной мере, так же как и в примере, отмеченном Машкиным в обоянском говоре Курской зоны: *пе́льки* 'в одежде: передняя часть, покрывающая грудь': *Ён схватил иго за пельки да и паташшил* [34]. Но в других случаях уже́ — в тех же курских говорах М. Г. Халанским, а в воронежских Ф. И. Поликарповым — был отмечен, надо полагать, чистый идиом (т. е. случаи, когда лексема вне определенного сочетания не употребляется): курск. «*пельки* —

---

[29] Опыт, стр. 154; К. Иеропольский. Говор д. Савкино Пушкинского р-на Псковского округа. — «Изв. ОРЯС» III, 2. Л., 1930, стр. 593 и запись в д. Подсосонье Ануфриевой (1957 г.). — Архив «Словаря русских народных говоров», Ленинград; И. К. Копаневич. Провинциализмы Псковской губернии (рукопись). — Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, Ленинград; статья *пелечка* в кн.: Ф. П. Филин. Проект «Словаря. . .», стр. 178, запись А. Максимова (1958 г.). В примыкающем к Псковской зоне районе распространения русских старожильческих говоров в Эстонии, а также в Латвии и Литве *пе́лька*, уменьш. *пе́лечка* — 'передняя часть мужской рубашки, где находятся пуговицы и петельки' (В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. В дальнейшем — «Материалы. . .»).

[30] П. Д. Борщев. Слова, взятые из живой речи г. Калуги и Калужской губернии (рукопись). — Архив Ин-та русского языка, Ленинград.

[31] Ср. там же *беспе́лешная руба́ха* — 'рубаха без «пелек»'. Материал любезно сообщен Ю. П. Чумаковой.

[32] С. Казанский. Город Козлов Тамбовской губернии (рукопись). — Архив АН СССР, ф. 197, Ленинград.

[33] Ф. И. Эрдман. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» по Новгородской губернии. — «Уч. зап. Казанского ун-та», кн. 2. Казань, 1857; В. И. Максимов. Материалы для словаря псковских говоров (запись А. Максимовой 1957 г. — Архив Ин-та русского языка, Ленинград).

[34] Машкин. Дополнение к сборнику местных слов, употребляемых в Обоянском уезде (рукопись 1859 г.). — Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 216, оп. 4.

в выражении *схватить за пельки*, т. е. за горло, за грудь»; воронежск. «*пельки* — в выражении «*ухватить за пельки*» — за одежду у ворота» [35].

По той же модели построено известное в русской разговорной речи устойчивое сочетание *схватить за грудки*. Идиом *схватить, поймать за пельки* побудил В. Даля предложить, вероятно, не совсем точное толкование: «1.*Пельки* ж. мн. тмб. вор. виски, кудри, волоса, космы, патлы, пакли. Поймал его за пельки! Потаскать за пельки». Кроме этой словарной статьи, Даль дает другую, со словом, которое он считает омонимичным: «2. *Пельки* (мн.) кур. одежда на груди, платок?», справедливо ставя после толкования 'платок' знак вопроса [36].

Заключая обзор примеров, отметим еще два узко локальных значения, зафиксированных целым рядом диалектных лексикографов только в псковских говорах. Первое — *пе́лька*, *пе́лечка* ж. 'деревянный черпак плоской формы, для выкачивания воды из лодки' [37].

Здесь наблюдается переход интересующего нас термина в иную терминологическую сферу — в сферу орудий рыболовства и судоходства на основе общего (обобщающего) семантического момента — предмета (resp. места) с углублением, выемкой.

И, наконец, второе — *пе́лька* ж. 'небольшое количество муки, крупы' [38]. Здесь отражен дальнейший переход в еще одну терминологическую сферу, сферу терминов народной метрологии — количество сыпучего тела, которое можно зачерпнуть «пелькой» ('совочком').

Изложенный материал позволяет отметить довольно последовательный переход лексемы **pelьka* из одной семантической сферы в другую. Эта последовательность может быть представлена следующим образом:

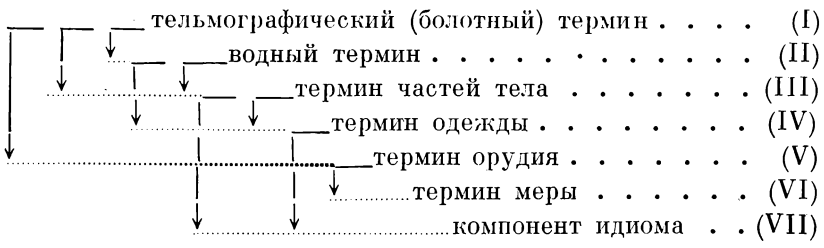
---

[35] М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. — Сб. ОРЯС, XXVI, № 5. СПб., 1904, стр. 371; Ф. И. Поликарпов. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. — «Филологические записки». Воронеж, 1911, вып. V.

[36] Даль[3] III, стр. 68. Для лексемы *пе́лька* Даль дает три статьи: «1. *Пелька* ж. нвг.-бор. детская пеленка||Нвг.-тхв. передняя часть рубахи, отворот косоворотки, и самая застежка, пуговка, запонка рубашечная (гапелька?); || пск. часть всякой одежды, закрывающая грудь. 2. *Пе́лька* ж. пск. деревянный совок? 3. *Пе́лька* ж. зап. прорубь?». Как будет видно из дальнейшего изложения, материал и сопоставления В. Даля повлияли на этимологические сопоставления и соображения А. Преображенского и М. Фасмера. Что касается слова *гапелька* 'крючок, петелька', то оно не имеет общей этимологии с *пелька*, так как является полонизмом, восходящим в свою очередь к нем. *Haftel*, *Heftel* 'застежка, булавка' (St. Kochman. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967, стр. 64).

[37] И. Д. Кузнецов. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915; также: «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 154; И. К. Копаневич. Указ. рукопись.

[38] И. К. Копаневич. Указ. рукопись.



где стрелки показывают переход от одного уровня (регистра) к другому.

Характерно, что последовательность уровней (регистров) может быть представлена и лингвогеографически. Если от узко балтийского ареала как от центра провести несколько радиальных линий, а затем их пересечь несколькими сегментами окружности, то получится ряд зон, границы которых будут приближаться к границам изоглосс. Термины класса I будут охватывать балтийские и полесско-белорусские диалекты; термины класса II — часть балтийских, полесско-белорусские, полесско-украинские, ряд белорусских и часть южновеликорусских — брянских диалектов; термины класса III — часть белорусских, великорусские — брянские, калужские, олонецкие (?), архангельские (?), а также северо-восточные и центральные (?) украинские диалекты; термины класса IV — севернобелорусские (витебские) и великорусские — псковские, новгородские, олонецкие (?), калужские, рязанские, курские диалекты; термины V и VI классов — локально лишь псковские говоры; класс VII «лексема как компонент идиома» оказывается распространенным на юго-восточной окраине всего ареала, в великорусских — курских, воронежских и тамбовских говорах.

Из южновеликорусских говоров слово *пельки* проникло в русскую художественную литературу (Н. Успенский, И. Бунин), в периферийные сферы русского литературного языка.

Вероятно, новые исследования восточнославянской диалектной лексики позволят уточнить, или даже несколько изменить, предложенную схему семантической эволюции и территориального распространения интересующего нас слова. Однако и сейчас на его примере можно вновь подчеркнуть важность лингвогеографического фактора при исследовании семантики и этимологии слов, в особенности если речь идет о словах заимствованных. В данном случае эпицентр сохраняет более древнее значение, в прилегающих к нему районах еще жива семантическая связь слова со своим прототипом, однако она все более и более ослабевает и теряется ближе к периферии, пока совсем на окраине слово не попадает в состав идиома, т. е. теряет свою собственную номинативную функцию.

Естественно, что такую эволюцию нельзя возводить в ранг закона. Тем не менее рассмотренный случай отнюдь не уникальный.

Коллекция балтийских заимствований на восточнославянской диалектной территории еще не собрана и не изучена как следует. Выводы, которые можно сделать на основании одного слова, всегда преждевременны и требуют осторожного отношения. Однако все же можно предположить, что те славянские зоны, где лексема *+pelьka* выступает в качестве болотного термина и водного термина, были зонами достаточно интенсивного и дольше сохранявшегося славяно-балтийского контакта, вероятнее всего, славяно-балтийского двуязычия [39]. Там, где сохранился термин сухопутного или водного рельефа, мог произойти, согласно определению П. Скока, акт непосредственного заимствования (neposredna ili direktna pozajmica) [40], а в других зонах заимствование шло путем посредства, т. е. усваивалось уже не в ситуации двуязычия.

Но и при ситуации двуязычия проникновение отдельных слов в лексико-семантическую систему конкретного языка — процесс в достаточной мере сложный, определяемый как экстралингвистическими, так и внутрилингвистическими факторами. Более прост акт заимствования по принципу «слова́ и вещи» при появлении новой реалии; сложнее, когда в языке-передатчике и в языке-реципиенте инвентарь и система плана содержания (соответственно гносем и реалем) почти идентичны и структурно-функционально аналогичны (изоморфны). В этих случаях на лексико-семантическом уровне возникает синонимия. И здесь в большинстве случаев вступает в силу уже достаточно хорошо известная лингвистам закономерность: вновь вошедший в словарный состав языка синоним приобретает дополнительный семантический признак. Таким путем в зонах междиалектных и межъязыковых контактов семантическая сетка усложняется.

Приведем два примера из других диалектных зон.

Один, когда оба слова славянского происхождения — с.-хорв. *dažd—godina*. В зоне контактов ареала лексемы *дажд* и ареала лексемы *godina* [41], в штокавском селе Водице (северная Истрия), лексема *dažd* выражает семему 'дождь, дождь вообще', а проникшая из контактирующих чакавских говоров лексема *godina* — 'благодатный, нужный дождь', а в кайкавском селе

---

[39] Характерно, что в западном Полесье и в части западных и центральных белорусских говоров, по нашим (подчеркнем — еще не достаточно проверенным) данным, нет лексемы *+pelьka*: так что в современной Балто-Славии между балтийским и славянским ареалами есть полоса, разрывающая изоглоссу рассматриваемой лексемы.

[40] P. Skok. Prilog metodu proučavanja romanizama u hrvatskom ili srpskom jeziku. — «Zbornik radova» (Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu), knj. I. Zagreb, 1951.

[41] Ареалы лексем *дажд*, *киша*, *година*, *време* даны в моей работе «Из географии славянских слов 1. дождь. 2 саламандра». — ВСЯ, вып. 6. М., 1962.

Чрнковец (около Загреба) лексема *godina* выражает семему 'дождь, дождь вообще', а проникшая из соседних говоров лексема *dešč* — 'проливной, вредный, ненужный дождь', при этом соответственно слово *godina* приобрело также дополнительное значение, дополнительный признак — 'благодатный, нужный дождь' [42].

Другой, когда оба слова — относительно старое заимствование: болг. диал. *джубринки*, *джумерки* (из тур. *cibre* 'выжимки; остатки; осадок'). В бессарабском болгарском селе Бановка (б. Измаильская, ныне Одесская обл. УССР), где представлен говор переселенцев из северо-восточной или центрально-восточной Болгарии (так называемый «чийшийский» тип), в результате новых условий контактирования, а возможно и смешения, с переселенцами из юго-восточной Болгарии (фракийский тип) семема 'шкварки' расщепилась на две: 'шкварки из нутреного сала' — *джуме́рки* и 'шкварки из внешнего сала' — *джубри́нки*. В ближайших «чийшийских» говорах *джуме́рки* — только 'шкварки', а в соседнем фракийском говоре села Шикирли-Китай (ныне Суворово) *джубри́нки* — тоже только 'шкварки'. Наконец, в приазовской Бановке (Бердянский р-н Запорожской обл.) у выселенцев из бессарабской Бановки *джуме́рки* — только 'шкварки' [43].

Таким образом, в системе говора (resp. языка) заимствованное слово при одновременном существовании исконного, незаимствованного синонимичного слова часто приобретает дополнительный семантический признак (как это видно из примера со словом *godina* в с. Водице). Но возможен и дальнейший семантический процесс: наличие дополнительного семантического признака у заимствованного слова вызывает появление коррелятивного (про-

---

[42] На том же основании возникло осложнение семантической сетки в Шушневом селе и в Чаковце (район Огулина, Хорватия), где *godina* означает 'дождь вообще' и 'благодатный дождь', а *vrime* — 'вредный, проливной дождь'. Типы семантического поля *дождь—погода—время—год—час* в сербско-хорватских диалектах приведены мною в статье «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава». — ВЯ, 1963, № 1.

[43] Материал привожу на основании собственных наблюдений 1948 и 1950 гг. Эти наблюдения, к сожалению, не отражены полностью в «Атласе болгарских говоров в СССР» (М., 1958). См. карту № 107 и объяснения к ней в книге «Вступительные статьи и комментарии к картам», стр. 83. Изоглоссы лексем *джубринки*, *джумерки* в говорах метрополии дают достаточно сложную и пеструю картину. Так, например, фракийскому диалектному континууму в целом свойственны обе лексемы, наряду с многими другими (см. «Български диалектен атлас», I. София, 1964, карта № 216 и комментарии «Част втора», стр. 146—147). Любопытно, что и в Болгарии в контактной зоне — в селе Бяла Сливенской околии (пункт 2538) отмечена корреляция по дополнительному дифференциальному признаку величины: *пърдо́нки* 'крупные шкварки' — *думе́рки* 'мелкие шкварки'. На восток от этого пункта следует почти сплошная зона с *думе́рки* 'просто шкварки', а на запад—с *пърди́нки* тоже 'просто шкварки' (см. цитированный атлас и комментарии).

тивоположного) признака и незаимствованного (как это видно из примера с *dešč* в с. Чрнковец и с *джумéрки* в с. Бановка).

Подобную судьбу можно предположить и для балтийского слова *+pelьka* 'болото', проникшего в славянскую языковую среду. У славян оно стало означать не 'болото вообще', а 'низкое, болотистое место среди пахотного поля', 'низкое, болотистое место в лесу', 'чистое болото, без растительности', 'чистое место на болоте' и т. п. Отсутствие единого значения в наблюдаемых нами полесских говорах свидетельствует о том, что в разных диалектных системах оно могло получать разный, в зависимости от рельефа местности и хозяйственных нужд, дополнительный семантический признак. К тому же часто большее число различных значений и дополнительных семантических признаков свидетельствует о более позднем заимствовании, подобно тому как более позднее заимствование какой-либо реалии дает часто в диалектах (resp. языках) большее число лексем для одной и той же семемы, манифестирующей реалему-денотат (ср. случаи с названиями картофеля, кукурузы, помидора и т. п.).

Наконец, конкуренция синонимов в конкретной микросистеме приводит к вытеснению слова (resp. термина) из одной семантической (resp. терминологической) сферы в другую.

Изложенный выше материал дает возможность пересмотреть этимологические соображения М. Фасмера [44] и А. Преображенского [45], опиравшихся в основном на свидетельства В. Даля. Не следует *пéльку* вслед за Преображенским и Далем объединять с *гапелькой* (против этого объединения выступил и Фасмер) и с *пеленой*, *пелёнкой*, как это с оговоркой допускает Фасмер [46]. Но следует безусловно согласиться с Фасмером, что выведение *пéльки* из *петéльки*, как это сделал Преображенский, «трудно», а правильнее было бы сказать — ошибочно.

В заключение скажем, что наступило время работы над лексическим атласом балтизмов в восточнославянских диалектах. Такой атлас дал бы многое для определения восточных (отчасти северных и южных) границ расселения древних балтийских племен, их диалектной принадлежности и установления последовательных звеньев семантического развития, выяснению степени интенсивности и хронологии контактов.

Так, например, прусская и западнолитовская, т. е. в основном западнобалтийская, диалектная принадлежность слова

---

[44] Vasmer II, стр. 333.

[45] Преображенский, стр. 33.

[46] Исключение, может быть, можно сделать только для отмеченной Далем и безусловно нуждающейся в проверке и осторожном к себе отношении лексемы *пéлька*, манифестирующей семему 'детская пеленка' (боровск. Новгородск. губ.). Ср. белорусск. *пéлюшки* мн. 'пелёночки', отмеченные в словаре И. И. Носовича. Если Даль правильно дает форму и значение этого слова, то справедливо замечание Преображенского, что другие формы и значения слова — *пéлька*, *пéльки* и т. п. — относятся «не сюда».

pélkė[47] согласуется с данными восточнославянской топонимики того же западнобалтийского происхождения, типа *Жукопа* (< *žukape*) и т. п., исследованной В. Н. Топоровым (отдельные гидронимы бассейна Верхней Волги, Оки, Москвы-реки)[48]. Преимущество в изучении балтийской апеллятивной лексики перед топонимической заключается прежде всего в том, что, пользуясь ею, можно оперировать не единичными фактами, ограничивающимися иногда десятком примеров, как в случае с гидронимами типа *Жукопа* и т. п., а сотнями и более фиксаций, поддающихся интерпретации в лингвогеографическом плане. Однако наряду с преимуществами есть и недостатки, к которым в первую очередь следует отнести отсутствие уверенности в том, что, будучи заимствованной славянами, балтийская апеллятивная лексика не передавалась потом другим славянам, уже в результате межславянских, а не балто-славянских контактов. Топонимия как правило привязана к месту, и возможность переноса топонимов в данной (рассматриваемой) ситуации мало вероятна, хотя подобное явление сопутствовало иногда миграционным процессам[49].

Фактором, корректирующим ошибки и преждевременные выводы, могло бы послужить «наложение» топонимических и лексических (апеллятивных) изоглосс друг на друга и их сопоставление с изопрагмами этнографическими и археологическими. Так, например, было замечено, что особый балтийский, или западный («белорусский»), тип лаптей прямого плетения — так называемые «рачки», или «покосные лапти», известен в ареале, охватывающем бассейн Десны, Ветьмицы, Болвы, Навли (но не восточнее!), Черниговщину (Черниговское Полесье), Могилевщину по Сожу, район Припяти и Минское Полесье, затем Литву и Латвию[50]. В бывш. Псковской губ. они назывались *коверзени*, а в бывш. Духовищенском у. Смоленской губ. — *крестовики*[51]. Как показывает историко-этнографический атлас «Русские», этот тип лаптя встречался также по реке Ловати и в бывш. Олонецкой губ. Безусловно, этот тип лаптей — не единственный этнографический «балтизм» на восточнославянской территории.

Корректурное дополнение к стр. 148. Е. А. Черепанова, готовящая работу по географической терминологии района севернее Десны и Сейма, зафиксировала *пел'ка* 'яма на болоте' лишь на западе Черниговщины — в селах Замглай, Репки, Грибова Рудня (Репкинский р-н).

---

[47] Возможно, что в литовском *pélkė* утвердилось под западнобалтийским влиянием (Б. Савукинас. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. — «Baltistica» I (2). Vilnius, 1966, стр. 165).

[48] В. Н. Топоров. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий. — «Географические названия». М., 1962.

[49] T. Lehr-Spławiński. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. — RS XXI, 1. Kraków, 1960.

[50] Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1927, стр. 111—112; и вслед за ней: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959, стр. 29.

[51] «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967, стр. 252.